

Дмитрий Калабин

ЖАЖДА ЖИЗНИ

Взгляд
трансперсонального
психолога на онкологию
и другие
неизлечимые болезни

*Из цикла рассказов
«Людам о Людах»*

Дмитрий Калабин

**Жажда жизни. Взгляд
трансперсонального психолога
на онкологию и другие
неизлечимые болезни. Из цикла
рассказов «Людям о Людях»**

«Издательские решения»

Калабин Д.

Жажда жизни. Взгляд трансперсонального психолога на онкологию и другие неизлечимые болезни. Из цикла рассказов «Людям о Людях» / Д. Калабин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-960218-3

Эта книга для тех, кто намерен прожить глубокую интересную жизнь. Смысл каждого рассказа — это переработанная с точки зрения жизни трагическая история болезни конкретных людей. Во всех рассказах все кончается хорошо, и даже больше — все завершается триумфом жизни в том виде, в котором она бы видела сама себя. Это очень вдохновляет! Книга рекомендуется к прочтению всем, кто прямо или косвенно касался онкологии. Надеюсь, после этой книги кому-то захочется жить гораздо больше, чем раньше! Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-960218-3

© Калабин Д.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Большие города	7
Ахмед	9
Красивая	12
Божья воля	15
Брат бога	17
Воршуд	21
Безупречность	25
Душа1	27
Цветы террора	31
Живой	33
Свет	35
Голос судьбы	37
Конец ознакомительного фрагмента.	39

**Жажда жизни
Взгляд трансперсонального
психолога на онкологию и другие
неизлечимые болезни. Из цикла
рассказов «Людам о Людах»**

Дмитрий Калабин

© Дмитрий Калабин, 2018

ISBN 978-5-4496-0218-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Жизнь – это дар, но в большинстве своем увидеть и осознать это люди, к великому сожалению, предпочитают только после посмертного опыта. Все, что является дискомфортным и пугающим при жизни, является всего лишь нераспознанной глубиной самой жизни. За нелюбимой работой стоит призвание, за тяжелой болезнью находится Душа, а за смертью жизнь. Онкология всегда призывает к правде жизни, именно поэтому рак – это большая награда. В отличие от внезапной смерти, например, от несчастного случая и сердечного приступа, рак – это всего лишь повод для серьезных раздумий о будущей жизни, и поэтому справиться с ним можно в 100% случаев, потому что раковым больным дано время. Разумеется, чтобы заболеть раком, нужно иметь в душе что-то очень противоестественное самой природе, и поэтому, как правило, раковые больные даже не подозревают о настоящих причинах болезни, и более того – очень ревностно защищают ее границы. Но смерти нет – есть только жизнь, и поэтому жажда смерти – это всего лишь жажда настоящей жизни. Настоящая жизнь всегда переплетение доброй сказки и нашей обычной реальности. Искусство жить – это способность преобразовывать этот мир в мир подлинной радости, в которой нет насилия, боли, войны и усталости – это мир, где жизнь вдохновлена сама собой – это и есть реальная и именно сказочная жизнь. Рак – это просто одна из крайних форм желания попасть в жизнь, которая захватывает. Разумеется, лучше такую возможность не терять и использовать ее экологично. Именно для этого написан этот сборник рассказов про абсолютно реальных людей, но с переосмыслением их диагнозов с позиции жизни без смерти.

Больные раком, к сожалению, склонны верить в исцеление той же реальностью, от которой они на самом деле бессознательно бегут. Медицина является ярким примером непонимания истинных причин данного заболевания. Врачи не виноваты в этом – так сложилось, что мы ослепли перед лицом великой жизни однажды очень давно. Именно от этого непонимания рак практически неизлечим именно только медицинскими путями.

Эта книга является попыткой объяснить и пациентам, и врачам, что за болезнью живет увлекательная и, самое главное, глубокая жизнь за привычными представлениями об обыкновенности, я пытаюсь донести в художественной форме, что такие понятия, как счастье, покой и здоровье, являются достижимыми без боли и страдания, достаточно лишь чуть-чуть жить смелее.

Для таких утверждений о том, что «смерти нет и все есть жизнь», нужно любить жизнь всем своим существом, что я и делаю через свою обширную практику духовно ориентированного психолога уже двенадцать лет. Кое-что осозналось на пути о жизни и о любви – поэтому спешу с вами поделиться своим взглядом.

Кто знает, может, кто-то увидит чудо рядом и захочет жить, ведь самое лучшее лекарство от всех болезней – это жажда самой жизни.

С уважением, трансперсональный психолог Дмитрий Калабин

Посвящается моему Папе Калабину Николаю Александровичу, который умер в 2005 году от рака кишечника и толкнул меня своей болезнью на путь исследования Души на самом глубоком уровне.

Большие города

Этот рассказ – некий вводный мотив данной книги. Смысл его достаточно прост: за каждой болезнью стоит глубокий и мудрый природный дух, который живет вне времени и вне всяких идей. Болезни с ракурса такого духа – это возврат к подлинной природе человека на фоне грандиозной жизни, происходящей с нами на самом деле.

Государственная дума думала, а привычный запах горящей свалки снова заволакивал микрорайон подмосковного Волоколамска. От этого дыма, принесенного ветрами в Красноярск, умирал от рака мозга восьмилетний Миша Васильев. Его мама со слезами тщетно пыталась разобрать результаты томографии на распечатке купленного в Японии б/у томографа, но выданного чиновниками за новый. А в тайге на севере в бассейне реки Лена созрел новый грибок, поражающий человеческую плоть именно и только современного горожанина.

Первыми пострадали жители Новошахтинска. За три часа их тела истаяли со скоростью свечного парафина. Скорая, спасатели – все те, кто имел дело с первым очагом эпидемии, тоже превратились в крупные следы наподобие лишайников на камнях. Все внезапно пораженные превращались в узоры лишайника. Грибок молниеносно опустошил Новошахтинск, а потом Киселевск, Загинск и Абакан. Вся Сибирь застыла в состоянии жуты. Очевидным стало, что грибок уничтожает сразу целые города, но, как оказалось, кроме людей, болеющих онкологией и находящихся в предсмертных состояниях.

Следующей пала Москва, а потом почти весь Урал и снова Сибирь. И добрался уже до всей планеты – почти одновременно перестали существовать все крупные мегаполисы. Грибок был беспощаден. Но все же он планомерно щадил смертельно больных, но никто не мог понять почему. Стало также очевидным, что глухие деревни грибок тоже не трогает, и туда с невероятным рвением бросились бежать горожане – они доезжали, но на глазах деревенских их все равно сжигал странный лишайник, оставляющий крупные следы на месте их смерти.

В Красноярске в детской онкологии Миша начал бредить, вокруг него почему-то никто не пострадал от грибка. В больнице это поняли и фанатично держались возле него. Миша постепенно начал очень сильно бредить: «Все обман! Я в этом не участвую! Я хочу домой!» В глазах Миши уже с первых дней его жизни накапливалась скорбь по поводу вранья человека саму себе. Вранье было настолько сильным, что даже совершенный мозг не мог справиться с таким потоком лжи природе, самому себе и своему пути – так Миша и заболел. Все люди ввали в собственным жизням, построенным на вранье, теряли корни с сущностью жизни, и лишь только древний гриб мог их вернуть к этой сущности. Грибок, равно как и вирус СПИДа, возвращает людей к сути живого. Грибок уничтожал скопление лжи. Там, где было ее слишком много, там все плавилось моментально. Гриб, превращая людей в самого себя, словно заставлял насильно слушать жизнь и жить на основе высшей правды. Ни одна цивилизация не выжила бы на лжи, и лишь только люди упорно делали вид, что понимают окружающее наукой, которая оказалась очень вредна для всех и всего, и ничего, кроме городских свалок, от нее не получилось – люди называли это прогрессом. Развиваясь как цивилизация, люди даже не заметили, как оказались совершенно неразумными перед реальной природой. Гриб делал свою работу, уничтожая скопление научной лжи – с каждым погибшим исчезали целые очаги сложных ментальных концепций, окружающих, как плотная слизь, всю информационную сферу планеты. Вместе с разгрузкой коллективного бессознательного раковым больным становилось все легче, они почти все стали вспоминать, что болезнь началась с решения жить правдой! Природа помогла им встать на ноги. Миша, прокричавшись в сильном бреде, уже

через неделю смастерил себе бубен и бил в него как хотел! Вокруг раскрывалось пространство и становилось по-звериному тепло всем вокруг – хотелось жить! Девочка с ужасной онкологией крови из соседней палаты танцевала так вдохновенно, что ей уже не нужно было никакой пищи для жизни – она питалась вдохновением! Старуха, уходившая на последний погост, начала бормотать сказки с такой любовью, что даже птицы слетались ее послушать. Жизнь – это большой прекрасный путь, и рано умирать.

Гриб сделал свое дело – науки больше не было. Те, кто остался в живых, учились от самой природы жить так глубоко, насколько позволяет великий шанс быть человеком! Это и есть дух онкологии и других неизлечимых болезней!

Ахмед

Рассказ написан для жутко брезгливой женщины с раком пищевода и очень напыщенным и глупым выражением лица

«Дурак ты, Федя!» Маринка хлопнула дверью! И уехала на юг одна! «Сам пусть себе сосет! Кобель проклятый! Ненасытный урод! Чмо! Затрахал меня уже!»

Устроившись кое-как в поезде Норильск – Адлер, уехала отдыхать в Лазаревское! В паху, как обычно, болело. «Пенталгин приняла, приличные соседи, все нормально, еду, буду звонить – пока, мам!»

«Уф, вырвалась наконец-то! Хрен с ним, с этим кобелем, другого найду! Соси ему все время! Сам пусть себе сосет! Козел!»

Мягко говоря, роман Маринки с Федей сразу не заладился. Он был для нее как какой-то песик приبلудный, который сразу раз – и на бочок, и гладь и соси ему там. Фу... Мерзкий. «Я же не такая – мне нужен мужчина гордый, самодостаточный!»

Поезд ехал, и Маринка в уме подсчитывала траты своих кровных, которые она самолично весь год откладывала и в тайнике своих трусов везла. Правда, чем ближе к югу, тем больше она боялась, что ее изнасилуют. С мужиком-то было бы все же безопаснее. Федька, собственно, только для этого и предназначался. «Ну ладно, доеду, осмотрюсь – все нормально будет. Одна отдохну».

Маринка и вправду продрогла там в Норильске. Сама она по крови украинка, просто родилась на севере. Родители там завод строили, так и остались там век доживать, здоровье у них стало слабое, особенно у мамы – сердце уже никуда не годится. Волноваться ей совсем нельзя. А Маринке тепла нужно было любой ценой. Болела часто – особенно цистит замучил. Несколько раз описалась прям! И вот по прибытии трусы снова намокли – туалет был долго занят!!! Блин!!! Быстро сняла, быстро их в чемодан, быстро нужно выходить.

Поезд прибыл, мужчина, который строил глазки в дороге, вызвался помочь чемоданы вынести, выходили все прямо на пляж в Лазаревском. Море! Глаза аж ошалели – тепло! Хорошо!

Тридцать секунд шального восторга, Маринка огляделась – ни чемоданов, ни мужчины, без трусов и без денег! Здравствуй, юг! В руках телефон, а там Федя и мама. «Мам, я доехала – не волнуйся, все в порядке!» Вспоминая знакомых на юге – никого не вспомнила. Федька, урод, трубку не берет – зарядка на исходе. Попала, дура! Ладно хоть паспорт не украли с обратным билетом. А домой ехать через две недели.

Маринка уже три часа ходила по берегу, наслаждаясь «теплым прибоем», подбирая варианты, как быть. Ментам заявку писать тоже не вариант – могут домой позвонить, а там мама со слабым сердцем. Пока набирала номера подруг, сел телефон.

«Дэвушка, а дэвушка!» Ее окликнул красивый статный адыгеец. «Чем помочь дэвушка?» Маринка брезгливо посмотрела на него. До отвращения холеный, сытый, довольный жизнью кобель! «Небось еще хозяин чуркестанского кафе – ненавижу таких!» – «Ниче-е-ем», – противным слащавым голосом ответила Маринка, а сама чуть не расплакалась. Впереди две недели хрен знает чего. Пройдя без трусов пару кругов по пляжу, она промочила ноги в море, и море ее немного успокоило. Она почему-то поняла, что ей и вправду помощь хотят предложить – она попросила зарядить телефон. Через полчаса, постояв в спокойном море, успокоившись, подошла снова. Ее ждал обед. Ахмед ее решил угостить. Маринка отказалась и, крепко сжав ноги, а то не дай бог кто «войдет без спроса», ушла в лазаревский курортный вечер!

Очень поздно вечером Маринка все же ела в кафе у Ахмеда, изображая замужнюю, и старалась улыбаться, но ее все равно прорвало на слезы. Ешь, реви, молись, и главное, чтобы

не изнасиловали – южное кино! «Слишком добрый чурка», – ненароком подумалось Маринке. Точно отражает потом! Надо уходить, но ходьба по пляжу в жару и вкусная еда сделали свое дело, хотелось прилечь, и идти-то, в сущности, было некуда. Море вон там прям рядом шумит. Море убаюкивало, словно подсказывало, что можно остаться. Маринка решила под честную свою расписку просить у него денег и завтра же уехать. Ахмед вроде бы не жмот. А сегодня принять предложение остаться переночевать у него в гостинице.

Вот ключ, дверь закрывается изнутри на щеколду, никто не зайдет. «Отдыхай, пока муж не приедет. Этот номер твой, там вон душ есть и полотенца тоже. Вот халат!»

Утром на кресле висел новый купальник и пляжные шлепки – Ахмед позаботился. Его долго не было, брать было как-то зазорно, но и без трусов ходить тоже. Наверное, вечером будет насиловать – нужно уезжать. А сейчас очень хотелось на море, потому что скоро в дорогу и будут долгие два с половиной дня в поезде до Норильска.

«Ладно, не успеет изнасиловать, в номер я не вернусь, но в море искупаюсь!» Ласковый юг, ласковый бриз, хороший купальник, нежные волны. Маринка сидела прямо в нежной пенке волн и буквально писала и писалась от удовольствия. Пенка от Маринки смешивалась с пенкой моря – романтика. Ахмед смотрел на Маринку и готовил завтрак, ему нравилось, что ей радостно. Он послал к ней племянника, чтобы он позвать ее кушать. Ей, разумеется, было неудобно, но она пошла, но твердо решила просто взять у него займы и ехать обратно.

Ахмед без разговоров достал денег и дал ей. И отпуск тем самым внезапно кончился. Стало сильно обидно за себя непутевую. По лицу Маринки пробежала нервная волна предстоящей душной поездной тряски и одновременно каприз маленькой девчонки оттого, что все не по-моему, и гордая стать украинки с севера пробудилась, и полезла еще пушкая подозрительность к такому поведению Ахмеда, и мысли закрутились непонятным веером – да вообще, может, у нее другие планы, скоро муж должен виртуальный приехать. В общем, стресс!

Пошла на вокзал менять билет в платье и в трусах от купальника. Билетов на ближайшее время не было. А у нее был тот самый обратный, но только обратно через долгие две недели. Но зато теперь были деньги на еду и небольшую комнату. Вернулась сказать спасибо и сказать, что деньги отдаст попозже, потому что так вышло – планы поменялись. «Садись обедать, родная», – сказал мягко и как-то очень по-доброму Ахмед. За столом сидели братья, отец, племянники. Жены суетились на кухне, а ей предложили сесть с мужчинами. «Если я сейчас не уезду, меня изнасиловать еще и его братья», – подумала Маринка. А глаза хотели увидеть жену Ахмеда. Не увидела – женщины в основном были не его возраста. И кольца у него не было.

Горячо поблагодарила, сбивчиво объяснила Ахмеду суть перемены дел и ушла. Ахмед сказал, что если комнату не найдет, то может жить у них бесплатно, как гостя! Маринка гордо ушла! Тут позвонил Федька, сказал, что она дура, но выслал деньги все равно, номер перевода такой-то. Потом по привычке еще и поругались очень сильно!

Впереди еще 12 полных дней отпуска, и можно было отдать долг Ахмеду и рассчитаться за купальник. Зашла. А там свадьба – шум, гам, танцы! Ахмед затащил ее в гуцу праздника. «Вот я попала!»

Ее просто не отпустили с праздника! Кавказский колорит! Лезгинка! Вкуснейшая еда, вино, красавец Ахмед! Он такой чуткий – ухаживает! «Можно же и потанцевать с ним, а потом я незаметно уезду!»

Он предложил сам. Просто отойти к морю, отдохнуть, подышать. Свадьба была еще в разгаре. Вел себя хорошо, повода вроде не давал. «Пойду, но так почему-то захотелось сильно писать!» На пляже был большой камень, Ахмед сел на него, и логично было сесть рядом. Она села. Мочевой пузырь предложил выбор: первый – пустить струйку по камню на Ахмеда, второй – сделать вид, что ей захотелось купаться, и пописать в море, но тогда Ахмед, как в романтическом кино, пойдет с ней, а верха купальника нет, потому что даже не думала о таком раскладе, а плавки были вместо всех украденных трусиков, третий – внезапно бежать, как дура,

в ночь! Бежать неуважительно, а в море изнасилует! Выход найден – быстро в море, словно я такая эмоциональная, побеситься незаметно и пописать там, потом выбежать! Прыг – и, наступив на свое же собственное платье, сорвала его по пояс, запуталась в ногах и с размаху лицом в утоптаный песок! Потеряла на минуту сознание. Ахмед от неожиданности сначала хотел рассмеяться, а потом сильно передумал. Взял ее, ничего соображающую, с голыми грудями, на руки, и теплая струйка потекла на него. Он поднял ее и занес ее на руках в море окунуться и вынужденно сполоснуться. Голая, теплая, нежная, с очень красивой грудью, она сама ему упала на руки, слегка ударившись, как спелый персик об землю. Маринка расслабилась, сквозь предстоящий фингал она увидела, что Ахмед, в сущности, действительно добрый одинокий парень, который честно от всего сердца хотел ей помочь. Никакого зверского плана насилия не было. Он просто гордый кавказский парень, и его гордость как раз и заключалась в его желании заботиться. И даже сейчас на руках он держал ее крепко и очень нежно. Она попросилась на ноги и, почти голая, обняла его в море с великой благодарностью за эти чудесные два дня заботы, в первый раз в жизни именно сердцем приняв заботу мужчины. Он проводил ее до той самой комнаты, где до сих пор висел ее халат, словно что-то знало, что она еще вернется. Утром за дверями было новое платье и солнечные очки и новые трусы и лифчик!!! Был небольшой синяк под глазом – очки были очень кстати. Потом завтрак, кофе, приятное молчание. Днем Маринка ходила в комнату, которую успела арендовать, и принесла верх купальника да паспорт с билетом и поселилась у Ахмеда, потому что с ним было очень надежно. Душа нашла временный берег.

Море попеременно было каким-то ласковым и слегка шумным, то настойчивым и почти мужским. Маринка смотрела на Ахмеда и вспоминала бабушку, которая всегда смотрела на ее родного деда с сожалением, потому что она не позволила себе в свое время уехать с одним одесситом в Америку, и маму вспоминала с ее слабым сердцем, которой ослабело из-за того, что не могла себе простить выбора папы, который уехал на север за длинным рублем, а она за ним. Маринке очень хотелось тепла, моря, беззаботной жизни и гордого мужчину! Все совпадало, но была еще сильная своя некая национальная гордость, не позволяющая принимать заботу южанина, которую, впрочем, она вчера изрядно потрепала.

Немного погодя Ахмед пригласил ее в сад за свежими фруктами, где росли высокой аркой виноград и киви. Для Маринки был настоящий экстаз все это увидеть живьем, а не в магазине. Маринке было уже нечего терять, и она прыгнула в руки Ахмеду, чтобы тот ее поднял, и он поднял, смачно вдыхая ее запахи: груди, животика и там, где накопился норильский холод. Маринке это сильно неожиданно понравилось. Наелась свежих фруктов, она немного опьянела от себя, и... пошел сильный дождь. Она так хотела пьяного счастья, так хотела сказать спасибо, и она так хотела погладить гордый нос Ахмеда, она притронулась к его лицу и очень близко увидела его глаза. Это были глаза мужчины, который крайне бережен, и в нем была великая честь человека, который любит жизнь без тревог, знает, чего хочет женщина, и великим удовольствием для него является забота. В первый раз в жизни у Маринки внизу стало тепло, словно ее матка точно не ошиблась в этом мужчине, ее глаза заблестели, тело сказало да, и теперь она позволила ему себя обнять, как он этого хочет. В ответ, обнимая ее, он процитировал стихи на адыгейском, смысл которых был ясен предельно: если море захочет, чтобы они были близки, то пусть так и будет! Дождь прошел. Вечером был ужин. Маринка была на пляже и спросила море: чего оно хочет для нее с Ахмедом? В это время позвонил телефон, и подружка Маринки сказала, что она звонит сказать, что Федя теперь ушел к ней и больше ему не звони, потому что ты дура и такого мужика потеряла!

«Спасибо тебе, море», – прошептали Маринкины губы!

Красивая

Рассказ для парня, который написал «ВКонтакте», что у него опухоль в голове размером с куриное яйцо, и от помощи он, разумеется, отказался. Но я люблю до конца исследовать любые сложные случаи, и вот родился рассказ. О дальнейшей судьбе парня я ничего больше не знаю. Лекарством для него является любое проявление нежной мужской любви к женщинам.

«Сука! Она сука – просто сука! Эта Мэрилин, что она вообще возомнила о себе!» В своем аутичном мире Джек жил уже почти всю жизнь. Там он неистово критиковал всех ярких и красивых женщин. Особенно это обострилось, когда его родной отец избил его, поймав за поцелуями в губы журнальной фотографии портрета Бетти Бросмер. Как поговаривал отец про нее со своими друзьями, «знатная сучка, трахнуть бы ее нам всем вместе, как следует – вот бы она запела!» Надо сказать, что Джек сам видел, как отец онанировал на нее неистово в гараже. Этот журнал у отца был уже затасканный буквально до дыр. Джек просто решил походить на отца. В таком возрасте еще веришь взрослым, как богам. Уже потом Джек замкнулся в себе, и разговоры о красивых и пустых сучках внутри разгорались самостоятельно уже неистово, как лесной пожар. Отец умер рано, во время запоя, выгнав очередную любовницу, а потом случайно сгорел от виски, которое случайно пролил на себя, а потом так же случайно поджег сам себя, уронив спичку пьяными руками себе на живот, прикуривая сигарету. Нелепая смерть, но отец успел выдать столько проклятий в этот мир перед уходом, что Джек уверенно понял, что мир дерьмо и причиной тому грязные красивые шлюхи.

Работая в почтовой конторе неподалеку от дома, Джек засматривался на женщин в окно своего склада, и часто ему удавалось увидеть ухоженных дам в холле почтового отделения, от которых у него до тошноты кружилась голова: от духов, запаха женского пота и излишней уверенности их красоты.

Возраст сделал Джека окончательно слабоумным. Для работы на почте он годился, а вот для всего остального уже точно нет. Но в голове у Джека был суший женский ад. Он их варил в котлах, садил на вилы, бросал в обрывы или просто изощренно медленно убивал. К женщинам он не прикасался почти совсем, а если так случалось, то потом нервно долго оттирал женский запах со своих рук. Женщин, разумеется, даже падших, у него в жизни не было совсем.

В холле раздался шум! Полисмены привели исполнять наказание в виде общественных работ смазливую девчонку, которая попала на растрате школьных денег. Приговор ее был простой – быть почтальоном в этом районе 250 часов, где она приложила свои мошеннические воровские руки.

Что-то в ней было похожее на Джека. По слухам, она тоже круглая сирота с мрачным прошлым. У нее тоже куда-то исчезла родная мать, и ей тоже достался отец с приступами ярости и эпилепсии, который помер тоже странно. Это точно конченная сучка – Джек уже разбирался в смазливых женщинах. Все они с сути своей становились несчастными. Эту звали Мэрилин. Она даже походила на Монро и немного старалась даже косить под нее.

«Вот, Джек, теперь это твоя временная напарница». Джек протянул вяло руку и машинально вытер ее сразу об штаны.

Сука – она просто сука – ее дни все равно уже сочтены. Она долго не проживет, такой баланс внешней привлекательности и безрассудства уже приговор, рассудил холодно Джек в своем женском аду, в котором он был чрезвычайно умен и расчетлив. Точно умрет.

«Ты девственник?» Это был вопрос-удар! Это то, что она спросила сразу же, когда они остались наедине. Джека этот вопрос полоснул до самой наготы души. Словно горящее пламя

виски. В ответ он просто внезапно ушел из конторы, и в голове началось: «Сучка – конченная сучка! Ее нужно убить, пока она не сделала грешником кого-нибудь из нас, мужчин!»

Уверенно подобрав ключ в дровнике, Джек уже точно не сомневался, что его первой жертвой будет она. Уже десять лет Джек строил подземный бункер для устранения таких вот шлюх, как эта. Это глубокое подземное сооружение снаружи было замаскировано под обычный дровник. Там была кровать, унитаз, душ и небольшая вентиляционная труба. И много инструментов для пыток и много алкоголя и снотворного. «Шлюха! Ты будешь первой здесь и никуда не убежишь от меня, как моя мать от моего отца! Будешь только моей! Гореть тебе в аду! Я выведу из тебя порок! Гореть тебе в геенне огненной!»

Утром Джек старался быть учтивым к Мэрилин. Даже открывал ей двери, когда она, неся коробки, была вынуждена их ставить на пол, чтобы открыть дверь.

Джек готовился! Ее все равно не буду искать – тем более она уже убегала от полицейских – ее нашли в соседнем графстве.

«Убью, изрежу, покончу с ней». Тем более она пришла сегодня с похмелья – дерьмовая дрянь. Где она вчера была – с кем? В период такого гнева у Джека была страшная эрекция! Это было видно даже окружающим! Это повторилось снова. Но только уже невероятно!

Мэрилин все поняла. С ее печалью в глазах, с ее поиском смерти она уже дано ждала расправы. Ей это снилось! Она не хотела жить так сильно, что это затмевало глаза ее учителям в школе. Церковь тоже ничего не могла поделать. Она ждала смерти! Так же, как мама Джека.

Маму Джека нашли убитой в неведомом детском прошлом Джека – ее смерть была сродни уже истории из старой никчемной газеты и почти ничего не значила для Джека.

Мэрилин смотрела в глаза Джеку и хотела смерти, но не боялась ее. Она все поняла: Джек – это Душа-пленница, такая же, как и она – ей про это приходили стихи. Душа, запутавшаяся в веригах религиозных запретов и жажды невероятного греха. Это сильно возбуждало Мэрилин – ее тянуло к таким мужчинам. Ей снилась эта сцена. Она просто разделась и дала себя потрогать. И следующим днем тоже. И еще потом много раз каждый день.

Джек стал часто плакать по пути домой! «Вот сучка – что она делает?! Какая же она красивая сучка!» Вместо интонации ругани у Джека стала появляться тональность ласки в мозге. Даже сильно расправилось лицо – он стал словно прежним смышленным мальчиком. Он ее ругал, но благодарил за полную девственную, святую открытость. Так открывается только Душа! И у Джека она открылась тоже. Джек стал думать стихами!

И вдруг на мятой бумаге он написал ей стихи:

Солнцу невозможно приказать покинуть небо,
Это просто невозможно.
Ребенка невозможно убедить не плакать,
Это просто невозможно.
Могу ли я прижать тебя еще крепче
И не раздавить в своих объятиях?
Не думать о тебе целую секунду —
О, это невозможно!

Может ли океан не биться волнами о берег?
Это просто невозможно.
Будь ты моей, стал бы я просить о большем?
Это просто невозможно!
И если завтра ты попросишь подарить тебе целый мир,
Как бы то ни было, я его достану, я душу продам
И не пожалею, ведь жить без твоей любви —

Просто невозможно!

И если завтра ты попросишь подарить тебе целый мир,
Как бы то ни было, я его достану, я душу продам
И не пожалею, ведь жить без твоей любви —
Просто невозможно!
О, невозможно,
Невозможно,
Невозможно...

Мэрилин плакала навзрыд...

Уже через пару месяцев Джек выбросил все орудия пыток из «ковчега безгрешности», уму стало небесно легко в голове! Он благословлял Мэрилин, а она отдалась ему в этом ковчеге множество раз! Она была не девственница, но она полностью принадлежала Джеку, как он и хотел. Ее Душа позволила Джеку любить ее по-земному, и она сама позволила себе любить его, как небеса любят даже самых отчаянных грешников, даже убийц.

Однажды она принесла гитару, которую она купила на те самые растраченные деньги. Просто спрятала ее до лучших времен, чтобы полицейские не забрали ее.

Это был день рождения Джека. Она сочинила мелодию на его первый стих. Таких крупных мужских слез в природе еще не было. Джек рыдал и пел свои же собственные стихи, снимая с себя остатки грубой религиозной догмы о грехе и недосягаемости Бога, потому что он видел любящего Бога в лице Мэрилин настолько близко, что заново рождался в ее утробе как истинный мужчина, любящий без границ на Земле и на небе, как Бог, который и есть любовь!

БОЖЬЯ ВОЛЯ

Рассказ-терапия для семьи, где родилась девочка с врожденной опухолью мозга. Это своеобразный ответ на частый вопрос: «А дети в чем виноваты перед лицом болезни?»

Их нужно обязательно казнить! Всю семью, включая детей. Это позор для нашего города! Весь Руен хочет их казни. После последних странных исчезновений лавочника Томаса Жардена с его женой и дочерью и портретиста Дидье Дюрана с его сыном никто не сомневается в их причастности. Они же даже выглядят как звери. Они прирожденные убийцы. У них же у всех все время текут слюни! Они никогда не посещают мессу! Кто дал им право вообще размножаться?! Они точно едят мясо своих жертв вместе со своими собаками! Ничтожество, они ничтожество, за что Господь дал нам это наказание? Таких нужно сразу убивать после рождения! Это же очевидно! И никакого греха – убийцам судьбу жертвы, до того как они еще не успели никого убить! Вот оно, правосудие! Вся округа мучается от этой семьи уже 150 лет. Их семья – пятно на небесных планах нашего города, благословленного Господом.

«Я согласен с тобой, Коринн, рано или поздно будет еще одно убийство, и они все равно попадутся». – «Милый Жеральд, как хорошо, что ты мой муж и мы можем решать вопросы города полюбовно без посторонних. Поговори с епископом завтра, пусть объяснит людям на проповеди, что правосудие вершит Господь нашими руками – ты же истинный дворянин, градоначальник, твоя семья правит этим землями уже 800 лет – он должен тебя услышать. Ну а я на суде просто объявлю приговор именем Фемиды и современной науки о чистоте расы – я знаю свое дело, в конце концов, хоть я и женщина, но я судья в пятом поколении – мои достойные родители меня бы одобрили! Руен будет нам благодарен. Мы устроим большой суд и большую казнь! И с этим будет покончено!»

Тюрьма была оборудована идеально. Она досталась городу еще в те времена, когда здесь правил сумасшедший король Карл VI. Все его тюрьмы были идеальным местом для судилища над всеми, кто не похож на толпу, – король был безумен! В их недрах сгинуло множество народа навсегда. Неудобные исчезали целыми семьями без суда. Там и держали всех Балленов, почти всей семьей. Не нашли только старшего близнеца Поля, его защитили собаки, и он убежал куда-то вместе с ними.

Народу нравился предстоящий показательный суд и будущая казнь. Хотя не было ни одного доказательства вины Балленов, но их казни ждали все. Каждый горожанин по-своему толковал против них свершенные убийства и исчезновения людей, длящиеся уже последние пять лет, но общей для всех была жажда расправы над Балленами. Страшно ушастые, пускающие слюни, вечно с ними в попутчиках собаки – ну разумеется, в их рождение на Земле вмешался сам сатана. Их не должно быть – они нечистые! Тем более в одной из церковных книг с пророчествами, по слухам, нашли прямое указание на то, что Руен был специально предназначен, чтобы очистить человеческую кровь от подобных выродков. В это же время в местной газете вышла статья главной судьи Руена Коринн Дюбуа о праве убивать всех в раннем детстве, кто родился с дьявольскими отметинами – ибо так хочет сам Господь.

Казнь была назначена, суд будет свершен. И вот настала последняя ночь перед казнью. Руен тихо радовался предстоящему свершению дела Господнего. Очевидно, что все просто хотели, чтобы Баллены исчезли навсегда. Они отвратительные люди. В воздухе висел холодный аромат смерти и расправы.

Окна четы Дюбуа, верховного судьи и мэра Руена, выходили как раз на эшафот. Там были аккуратно выстроены виселицы для всех девяти Балленов, включая даже младшую Анни Баллен, которая в силу возраста точно ни в чем не была замешана – ей был всего четыре года.

Судья Коринн плохо спала. Ей казалось, что ею руководит сам Бог, дав право свершить дело ее жизни. Она еще в студенчестве исследовала факультативно тему уродств. Ей искренне хотелось вычислить отметины убийц до свершения убийства. Для себя она решила, что такая связь есть, и это ей дало моральное право судить заранее всех неполноценных. Она уже один раз это сделала, на суде присяжных, уговорив всех объявить виновным пьяницу, у которого были тяжелые свисающие над лицом лобные кости. Его обвиняли в изнасиловании и убийстве молодой девочки. Там тоже было мало доказательств, но потом после казни их нашли, и дело было сделано. Начиная судью Коринн Дюбуа это опьянило! Теперь же она реальная судья, и ее идея жизни сегодня стала реальной! Коринн не спалось. Она встала, чтобы еще раз посмотреть на парадный эшафот – просто для ощущения своего триумфа!

И уже ночью через свое окно она увидела страшную фантазмагорическую картину! Вся площадь под светом луны была заполнена молчаливыми собаками, которые собрались вокруг ее дома, видимо, они сбежались со всей Франции. Их были десятки тысяч. Они сидели в тишине и смотрели на эшафот тихо, тихо, словно они пришли попрощаться с Балленами. В середине сидел самый ушастый старший близнец Поль Баллен, которого не поймали. По его позе и глазам было видно, что он искренне будет со своей семьей даже после казни и явно долго не протянет без них – умрет от тоски.

У Коринн случился удар! Она впала в беспамятство на несколько дней. Казнь отложили. Собаки были очень тихими, но в них ощущалась жажда настоящей божьей справедливости. Весь город был ошеломлен. Мир животных, такой правдивый и искренний, встал на защиту Балленов. Тихо и кротко собаки не лаяли совсем. Их было минимум сто тысяч, а может, и больше. Они просто смотрели в глаза каждому прохожему. Но часть самых больших псов, около двухсот, сидели вокруг одного почтенного дома и рычали. Сам главный жандарм, который, кстати, был на стороне справедливого суда, вошел в этот дом и нашел все доказательства убийств и исчезновений людей, которые были совершены за последние пять лет. Так был найден убийца. Это был сын самой Коринн Дюбуа, главной судьи, и мэра Руена, ее мужа, потомственного дворянина Жеральда Дюбуа. Их сын, красавчик, истинный, породистый француз Андрэ Дюбуа, прикрываясь высокопоставленными родителями, уже давно безнаказанно творил свои темные делишки. Собаки также вышли на след его поделщиков просто по запаху. Это были его друзья – все как на подбор свет и цвет Руена. Истинные породистые французы.

Андрэ был седым, сникшим и синим от злости, когда жандарм вывел его из его дома. Все улики были найдены. Псы Балленов сделали свое дело. Осталось только Балленов отпустить.

Это был собачий триумф. Когда Баллены вышли из застенков, столько преданности и радости хвостатых сам Бог, наверное, не видел. Баллены и их псы были чем-то очень гармоничным, словно они были родные по крови. Вся семья, сопровождаемая ста тысячами четвероногих мирных воинов, мирно ушла из города через главные ворота.

Руен остался без главного судьи и мэра. Суд над Андрэ Дюбуа в дальнейшем с новым судьей был пристальным и долгим. И Андрэ Дюбуа и его друзей казнили спустя время на расвете в присутствии родителей. Весь Руен плакал и каялся от своей слепоты перед высшей справедливостью! Перед Богом все равны! Преступления же со временем прекратились совсем. После произошедшего уже никто не решался на глупости.

Король жаловал Балленам место в королевском заповеднике. «Воистину, не все хотят в рай – некоторые хотят быть ближе к природе», – сказал в напутствие епископ. Семья Балленов была идеальна, чтобы быть стражами французских лесов. Каждому свое место в мире Божьем. На то есть непостижимая для нас, людей, сама Божья воля!

Брат бога

Рассказ про парня из Голландии, который очень резко заболел очень сложной формой рака после того, как сбили над Донецком авиалайнер Boeing 777—200ER авиакомпании Malaysia Airlines, который выполнял плановый рейс MH17 по маршруту Амстердам – Куала-Лумпур. Перед смертью он принял православие. Он был женат на русской девушке.

Андрис был очень смешон, справляя нужду посреди крапивы посреди запущенной деревенской пасторали, совершенно потерявшись на карте России в самой ее глуши в деревне Суйга Томской области.

Верка Сизова, самая шустрая девчонка Суйги, красавица сибирячка, еще в раннем детстве знала, что когда она вырастет, она будет смотреть на другое небо! Ей не очень нравилась Россия. Училась она прекрасно, словно даже учебой готовилась к своему судьбоносному выбору. Ее выбор был выйти замуж за иностранца. Без проблем поступив в ТПУ (Томский государственный педагогический университет) на учительницу иностранных языков, через год оказалась в Москве в МГПУ.

Вскоре она встретила Андриса. Высокого белобрысого голландца с лицом наивного дурачка, как у всех иностранцев глазами русских. Он приехал как студент в составе делегации по обмену студентами по инициативе Российского государственного аграрного университета – МСХА имени К. А. Тимирязева. У Верки в московском сельхозуниверсе были крепкие подружки-сибирячки из Томска. Он был из Роттердама. Цель была найдена, и лихой закаленный сибирский характер Верки сделал свое дело! Вот уже восемь лет она гражданка Голландии. Длинный худой Андрис благодаря Верке даже окреп, хотя он ощущал ее сильнее себя. Он ее нежно полюбил, а она к нему честно очень искренне привязалась. Она понимала, что это парень с очень доброй душой и его наивность – это не весь Андрис, он словно родной чем-то, но не понимала почему. За время знакомства Андрис несколько раз порывался познакомиться с родителями Веры. Но Вера, как суровая пограничница, очень умело ставила шлагбаумы на этих попытках. А тут Андрис внезапно оказался на крестном ходу православной церкви Александра Невского в Роттердаме и втянулся в православие с головой. Он нежно пел молитвы и начал внезапно почти сносно говорить на русском и много читал о России. Вера сама лила слезы вместе с ним на литургиях, то ли скучая по Дому, то ли поминая Россию и родной деревенский дом в Сибири, из которого благополучно уехала. Андрис спустя время своей внезапной любовью к православию проник ей в самую суть сердца, говоря ей по-русски слова любви и называя ее ангелом-спасителем его Души. И она полюбила его так сильно и прочно, как может любить Господь ребенка, который искренне замер посреди поля в русской молитве, смотря на небо! Пока своих детей не было, Вера все же решила его познакомить с Россией. Андрис был счастлив. Начав с Петербурга, потом Москвы, они двигались на поезде, останавливаясь в основном только в святых местах. И вот случилось явление самого невероятного Божьего промысла на Земле – Андрис Янсен справлял нужду с похмелья в крапиве выше пояса в огороде родительского дома Веры. Сибирский августовский ветер шатал деревья. Солнце, как крапива, жалило слишком сильным белым светом, пахло лопухами, гниющей картошкой и чем-то еще химическим. Андрис пинал сибирскую землю нелепыми сандалиями, с трудом соображая, как европейский колхозник, какой сорт тюльпанов все же здесь можно вырастить. Но тюльпанов на этой земле отродясь не было. Здесь хорошо росли секретные военные части разных направлений российской армии. Поэтому как только Вера с Андрисом здесь оказались, к ним домой как бы невзначай пришел местный участковый – бывший одноклассник Веры. Его очень

сильно беспокоил фотоаппарат Андриса, и вообще характер Верки его бесил еще со школы. Они были нежеланными гостями на этой земле. Белобрысый каланча Андрис ростом 188 сантиметров выглядел здесь как сверхсущество для местных. Казалось, если он начнет махать руками, то точно полетит. Его тут все прозвали Эстонцем! Андрис очень легко пьянел, и уже пятый день приема в Суйге он братался со всеми. Пьяный, своими широченными руками обнимая родных Веры, утирая голландские слезы. Он был постоянно с похмелья и часто блевал. Верка была не против. Нужна была прививка, чтобы сюда больше не возвращаться. В компании на голландскую диковинку приехали посмотреть даже из соседних деревень. Было как обычно в русской глуши: абсурдно, непонятно, грустно и честно тоскливо до оскомины. Еще были люди в штатском вместе с ментом – одноклассником Верки. Верке было уже все равно, потому что визит кончился и скоро уже ехать дальше до Владивостока, а потом домой – посмотреть Россию до конца и больше никогда не возвращаться. На следующий день Андрис нашел на себе клеща. Вечером ему уже было плохо. А утром он уже бредил. Больницы в деревне не было, Андрис действительно умирал. А мент-одноклассник очень странно отказался помогать. Куда-то потерялся фотоаппарат, и было видно, что кто-то рылся в их вещах. Лаяли собаки, солнце палило, Андрис умирал, а на выходе из деревни, когда Вера пошла в Томск за врачом, ее просили зайти на разговор. В очень жесткой форме было заявлено, что она отсюда уедет одна, потому что Андрис, по их разработке, шпион ЦРУ и она стала жертвой разработки спецслужб. Целью Андриса была именно полевая разведка Сибири. Ей очень хорошо подсунули легенду о муже-иностранце, и так легко выйти замуж получилось именно поэтому. Вера не могла поверить. Ведь он же молился в православной церкви и был таким искренним. Она поняла, что очень заразного клеща подсадили они и болезнь так сильно прогрессировала именно поэтому – особый штамм энцефалита. Они ее не выпустят, пока он не умрет. Было видно, что он не протянет и дня. Шпион или не шпион, он уже практически не был даже Андрисом. Синий, в судорогах, лежал ссутулившись длинный мужик с лицом, теряющим разум. «Вот блять! Ну, сука, мужик, ты даешь нахуй стране угля!» – сказала отчаянно по-сибирски, врезав ему по морде! Он очнулся и зашевелился буквально как клещ, шатавая длинными руками. «Выздоровеешь, я тебе устрою допрос с пристрастием!» Верка пошла искать черное платье. Матери сказала тоже надеть черное. Сильно погрузнев, она пошла к старосте деревни просить место для могилы. Вечером все было устроено. Завтра похороны. Утром рано выволокла чучело Андриса на садовой тележке на кладбище и закопала. Потом пила водку и ходила специально, как подраненная медведица, по деревне, ожидая, когда эти хуесосы в штатском съедутся. Они уехали, а сама, недолго думая, глубокой ночью повезла Андриса на лодке к тетке через реку. Она у нее еще та ведьма – все вылечит, и не таких подымала. Тетка все поняла! И вместо оханий и аханий взяла кнут и врезала Андрису по телесам, словно это обыкновенная скотина домашняя! И правильно сделала. С ужасной руганью она пнула ему под жопу и буквально оживила еще несколько минут назад умиравшего каланчу-Эстонца. Эти «твари божьи» только так и понижают! Смачно пиная его под зад, она загнала его в скотный двор к свиньям. Там его и закрыла. Под жестокими ударами тетки Андрис почему-то стал себя вести как зачморенный дух перед дембелями в армии, которого все время бьют. Как будто он был сейчас обычным русским солдатиком, отбывающим срочную службу. Даже лицо было как у рядового СА. Но тетка не унималась и, налив ему в баланду целую бутылку водки, кнутом заставила съесть. И через полчаса Андрис был похож на циркового медведя, настоящего дурачка, танцующего за кусочек сахара. Не хватало только езды на велосипеде. Тетка очень увесисто его била! Он жил у нее в скотнике, и битые открыло в Андрисе какую-то другую силу, для того чтобы организм Андриса для начала не подох. Но главное было впереди. Она готовила Верку к страшному явлению. Зоя, тетка Верки, была очень сильной целительницей. Она уже не в первый раз исцеляла безнадежных и особо не церемонилась с теми, кто, по ее мнению, оскорбил Мать-землю. Вера ей доверяла. Андрис был жив, но был уже не человеком. Эта голландская каланча предстала

постепенно перед Верой не только агентом ЦРУ, потому что под жестким воздействием тетки из Андриса каждый день выходила какая-либо уродливая маска. ЦРУшник – это было не самое страшное. В Андрисе угадывались черты католического праведника. Его католическое наследие было настолько глубоко в крови, что было видно, что Андрис был готов судить людей от имени Бога – морда была до омерзения противная в эти моменты. Много шкур, переданных по наследству, слезили каждый день. Фашистская форма гауляйтера – это двоюродный дед Андриса, католический кардинал – это прапрадед Андриса. Крестоносец – это древнее родовое, адское возмездие, это что-то стертое из памяти всех людей, но самое страшное – это бурые волосы, которые стали расти даже на лбу. И тетка с этим поступила очень просто. Она пинками заставила Андриса копать медвежью берлогу в лесу, чтобы он туда поместился целиком. Потом заставила принести сухостой. Завалила Андриса сухостоем в этой яме, кинула ему туда книжку с молитвами и подожгла. Из ямы раздался страшный медвежий рык! Густой огонь был сущим адским пожарищем! Горящие жерди шатались, Андрис хотел сбежать, но огонь был страшным. Он задыхался, рычал и хватался за молитвы, но они жгли его изнутри! Орал матом и искал выход, он хотел жить, но уже не мог спастись! В огне возмездия стали проступать лики 269 пассажиров самолета, сбитого 1 сентября 1983 года над Сахалином. Андрис был летчиком, который выпустил тогда ракету, невольно став ангелом войны. Но сейчас, выходя сквозь угли, его спасала только Божья милость и лично его ангел-хранитель, который виден был в контурах пламени. 269 человек стояли вокруг. Из леса собрались медведи, чтобы забрать из Андриса медвежий дух – это древний след боли всех русских. Зоя с Верой оставили Андриса среди горящих углей навсегда – пусть теперь его небеса судят. Рано утром Андрис бил в висячую рельсу, как обычный деревенский сумасшедший. Он был русоволосым и светлым, с безумным взглядом небесной правды, как классический русский юродивый. Сквозь его существо проступил ангельский мир. С этого момента он стал спать как котенок, подрагивая, и было видно, что ангелы во сне посещают его Душу и снова учат его божьему промыслу. Как деревенский дурачок, через несколько дней он нашел колокольчик и играл музыку ангелов, сбегались белки, бурундуки, и прочая мелкая тварь, чтобы слушать симфонию нежной земной и небесной жизни. Потом весной Андрис, перенеся зимой несколько гриппозных очищений через молоко медведицы, уже сам рассказывал, как его забрали ангелы из костра и привели на литургию по его Душе. 269 человек молились за его Душу, и сам небесный богатырь Александр Невский дал ему милость. Его Душа, будучи в пока еще безумном теле, училась на небесах искусству правды, постепенно перенося эту правду в тело нового Андриса, который был невинный, как котенок, и, подрагивая во сне, усваивал эту правду. Его пальцы стали необыкновенно гибкими – с такими пальцами уже ракету не запустишь. Взгляд же его был взглядом божьим. С его ростом и размахом рук он выглядел как родной брат Христа. Все, что звенело, стало для Андриса родным домом. Он становился музыкантом от Бога, а так как он уже практически умер, то он решил Богу посвятить свою жизнь. Потом же к нему вернулась память полностью. Он вспомнил, что еще в 60-х, в прошлой жизни, он так же, как Верка, уехал в Москву из этой же деревни, чтобы стать летчиком, и у него получилось. Летая в небесах на истребителе среди ангелов, он ощущал себя как дома. А потом его учили бомбить и истреблять без всяких принципов. А потом тот самый случай. Он еще много чего рассказывал, но самое ужасное, он рассказал, что большинство россиян улыбочивые потому, что они еще ждут войны и ничего с этим сделать не могут. Дух медведя для них – это пока дух страха проигрыша в этой войне. Им пока помогает земля, потому что ей нужна Россия, но не современные россияне. И медведя из своей души придется выводить каждому.

Возврат домой был очень легким – Россия отпустила. Андрис поступил в консерваторию и уже через пять лет играл на органе в главном католическом храме Роттердама православно-католические мотивы. Таким способом, творя мир на Земле музыкой, он осознавал, что мир держится на нас на всех и он теперь просто не может быть безразличным к миру. Он

стал ангелом на Земле и играл музыку высшего согласия, лично исцеляя очень старую боль человечества со времен ада – миру становилось легче, потому что Андрис просто нашел свое истинное мирное место на Земле.

Воршуд (добрый дух рода на удмуртском)

Рассказ-терапия для молодого мужчины-удмурта с меланомой на стопах и ладонях и метастазами в головном мозге с потерей памяти.

С детства Женя Верещагин не хотел жить, но никто этого не знал. На душе всегда было скверно и никогда не было просвета, но этого тоже никто не знал. Однажды, уже совсем устав от неизвестно чего, будучи совсем маленьким, Женя специально наелся какой-то горькой травы прямо во дворе собственного дома, чтобы умереть, но его вырвало, и несколько дней он провел в темном муторном сне, но оправился как-то сам. Сны с тех пор так и остались муторными и мрачными. Родители Жени, обычные деревенские удмурты, даже не пытались в тот момент вызвать врачей – смерть для них была чем-то сродни избавлению от врожденной усталости и совсем не пугала.

Отец Жени повесился при первых заморозках ранней осенью, когда Женя был перво-классником. Ярко-рыжего, как рассветное солнышко, папу Жени стеснительно похоронили и старались особо больше не вспоминать. Женя же, снимая папу из петли, вместе со своим старшим братом Валерой точно знал, что его ждет такая же судьба.

Грусть, накрепко поселившаяся в Женьке, была уже настолько чрезмерной, что он уже потихоньку стал сильно сторониться людей и не мог смотреть им в глаза, особенно военным, которых вокруг деревни было много. Неподалеку от их деревни была военная часть, в которой все время ездила тяжелая военная техника, которую делали в Ижевске. Иногда по несколько ночей от их маневров ровно и гулко дрожала земля и дом. Животные в это время плохо спали, пчелы все время разлетались и днем были очень злыми, но маленький Женя не волновался и откуда-то понимал, что земля найдет способ себя защитить и военные люди отсюда однажды уйдут.

Мама умерла возле стиральной машины в бане, доставая тяжелое белье. Она вся была в мыльной пене от продолжающей работать машины. Смерти мамы никто не удивился – это ей сказали врачи еще в школе. Врожденный порок сердца сработал – любая тяжесть для мамы была губительна. Женя даже обрадовался, потому что внутри он знал, что мама умерла от точно такой же, как у него, усталости от жизни и ей сейчас лучше, она отдыхает.

Став подростком, Женя собрался вслед за родителями. Яд для мышей в деревенском магазине был всегда, водка осталась еще от отца. Смешав все воедино, Женя выпил целый стакан без всяких колебаний. Было отвратительно, но только организму, Душа Жени даже не потеряла сознание. Брат Валерка, как назло, оказался рядом и сильно бил Женьку по лицу, а его невеста, будущая врачиха, делала промывание желудка. Помогло.

После этого случая Женька тихо перестал ходить в школу, замкнулся и подолгу бродил по лесам. Там он однажды нашел мертвого солдата, которого долго изучал и часто возвращался на это место со странным интересом к его разложению, впитывая все подробности, как земля забирает тело. Лес забрал солдата быстро и полностью, только лоскуты одежды, пряжка от ремня и несколько белых костей остались ему надгробием.

Брат женился, когда Женька был в армии, потом уехал в город, устроился в милицию и часто приезжал в деревню в родной дом на служебной машине. Деревня была очень близко, в 13 километрах от города. Женьке с братом повезло – оптимист с хорошей женой и планами на жизнь. Он даже на курорты каждое лето ездил.

Женька после армии тоже женился, и вроде бы все наладилось. Жена была тихая, стеснительная удмуртка, ярко-рыжая, как и Женька, родила дочку, точно такую же яркую и очень нежную, невероятно голубоглазую, с глубоким понимающим взглядом – она была словно

частью природы этого края, никогда не унывала и была, в отличие от Женьки, очень певучей. Со временем как-то руки сами пришли к электричеству, и Женька стал местным электриком. Дачники, местные и даже, бывало, военные обращались к нему, были частые шашки, и даже деньги завелись. Женька также продолжал любить лес и специально купил мотоцикл – вместе с братом по грибы ездить да на рыбалку, только уже подальше, ближе к рекам. Самое любимое занятие у Женьки было возить свою жену и дочку на мотоцикле далеко к большой воде. Там жену Женьки убило молнией. Просто купались в речке – жара была, разгар лета. Маринка не успела выйти из воды, как рядом с ней ударила молния, она умерла в судорогах. Это было чудовищно – под страшным ливнем везти свою жену домой мертвую в коляске мотоцикла, а впереди видеть темечко маленькой дочки, сидящей на бензобаке, которая еще ничего не поняла, и одновременно понимать про себя самого, что ничего уже, совсем ничего не можешь поделать со своей грустной Душой и несчастной Судьбой, что ты так же можешь уйти из жизни от неведомых причин и что жизнь сама по себе уже просто на самом деле ушла, не убив его, словно даже смерть позабыла его насовсем. Не жив и не мертв. Но лучше быть неживым.

Прошел год. Женя продолжал жить, хотя он и не делал никаких попыток уйти из жизни, потому что дочка подолгу смотрела ему в глаза, и в ее глазах он отдыхал от своей неведомой усталости. Брат бывал очень часто. Он устроил из их дома что-то наподобие рыбацкой базы. Друзья брата, милиционеры, тоже гостили часто. Все было по-молодецки хорошо. Никто не пил, даже не курили – баню перестроили. Электричество после гибели жены Женька забросил.

Жизнь шла. Женька превратился в чудаковатого удмурта с вечно слезящимися глазами, по взгляду которого было видно глубокое болезненное смирение перед неудачливой жизнью. Но дочка была настолько большой отрадой, что Женька, по сути, оставался жить только ради нее. Ей было уже шесть лет – скоро в школу.

Когда Женька вспоминал свои школьные годы и смотрел на дочку, которой тоже предстояло пойти в школьный ад, у него подкатывался страшный ком к горлу. Его боязнь смотреть в глаза появилась от учителей. Он мучительно переносил каждый учебный день, и именно от невероятной напрягающей энергии, исходящей от людей с внутренней правотой, он болел. Он боялся, что дочка тоже заболеет его же грустью от таких людей.

В самое лучшее время летом перед школой для Жени большой отрадой было останавливаться с дочкой посреди густой травы и долго смотреть за букашками вглубь сочной жизни и называть все это дочке по-удмуртски. Это была своеобразная школа Женьки для дочки. Получалось всегда так нежно, певуче, почти стихами. Это были лучшие уроки для дочки – уж точно лучше, чем в душных классах сельской школы. Женя так любил свою дочь, так нежно, наверное, так земля любит небо, а небо землю!

В конце августа, перед школой, Женя с дочкой поехали за грибами. Привычно выехали на тракт, на котором в пыльную жару ремонтировали дорогу. Было душно и очень шумно, уставшая Душа Жени уже свыклась с тем, что город наступает и ему предстоит прожить жизнь среди гула электрических проводов, шума дороги, и пыли новостроек. Душа ныла все время, но Женя привык жить с усталостью и совсем без душевных сил.

Вырулив на мотоцикле на тракт, чтобы просто как обычно быстро его пересечь и проехать мимо большой свалки к далеким грибным местам, мотоцикл Жени был задет пожарной машиной, которая возглавляла целую колонну новеньких БТР, бешено несущихся по новому, еще не застывшему асфальту, и сбила, опрокинув, асфальтовый каток, он был полон солянки, опрокинулся и сразу загорелся. Пожарная машина получила удар от БТР и тоже опрокинулась, а в этот БТР врезался другой, и вся остальная техника колонны остановилась в жутком хаосе. Изуродованный перевернувшийся мотоцикл, был слегка придавлен колесом второго БТРа, и Женькина дочка, живая и невредимая, застрявшая в коляске, в шоке, приговоренная

к смерти в огне, смотрела на папу прямо в глаза. Женька упал рядом, его сильно обрызгало мотоциклетным бензином, и он, едва уцелев, уже понимал, что скоро здесь будет страшный пожар, и ничего не мог поделать. Первый БТР уже весь горел, и солдаты спешно доставали друг друга. Все остальные в колонне разбежались. Горел свежий асфальт, и мотоциклу с его пролившимся бензином вспыхнуть было уже делом трех секунд. Сам Женя был готовым факелом. Огонь стремительно подбирался.

Страшная обреченность и внезапно нахлынувшая обида на жизнь нахлынула на Женьку с такой силой, что он стал орать на удмуртском страшные, неведомые для него самого проклятия. Его обидчивая усталая ярость содрала с него все маски, и он увидел, что все это не может быть реальным! Его жизнь среди этих людей и техники нереальна! Все эти военные, пришедшие на его землю, нереальны! Асфальт, война и бензин – не его мир! Этого просто не может быть!

Это не твое и не мое! Это не твое и не мое! Женя стоял на границе огня и говорил уже на мощном удмуртском диалекте огню: «Тынад но мынам но со овол! Тынад но мынам но со овол! Тынад но мынам но со овол!» И так много раз! Его глаза увидели, как у огня постепенно проявлялось лицо, и это была Музьем мумы – Мать земли! Сам же Женька в этот момент был уже не сам собой, он превратился в сильного мощного Нюлэсмурта – лесного человека.

Тынад но мынам но со овол! Второй БТР толкнул первый, а тот пробил цистерну пожарной машины, и из нее большим потоком вылилась пламегасящая пенная жидкость. Пена залила все вокруг мотоцикла, но Женька в своем подлинном древнеудмуртском состоянии видел не пожарную пену, а свою маму в виде Ву мумы, пламя обошло, и Женька освободил дочку, с легкостью поставив мотоцикл снова на колеса! «Тынад но мынам но со овол!» – говорил уже Женька дочке! Мы идем в добрый мир! Это мир не наш. Это не твое и не мое!

Его сознание было настолько сильным и проясненным в тот момент, что он увидел, что повсюду рядом были сильные духи природы: Кыль, Мыж, Чер, Дэй, Кутись. Это они устроили аварию.

С каждой минутой Женя все больше осознавал, что он родился в захваченном мире – это не его мир, он задыхался в этом чужом мире с детства. Вся его родня болела усталостью от этого нереального мира! Этот мир был очень сложным, а его настоящий мир значительно добрее и проще, а значит, разумнее. Он взял дочку на руки и просто ушел в лес к родникам. Асфальт горел, БТРы взрывались, духи делали свое дело. Так удмуртская земля защищалась. Потом пошел сильный дождь.

Спустя время в лесу возле большой реки появилась избушка. Широкоплечий, постоянно поющий на удмуртском, по берегу и лесу бродил Женька с удивительно хорошим настроением. Он стал такой сильный душой, что в его присутствии все становилось сильнее! Лес вокруг разросся. Сама по себе проявилась священная роща. Потом спустя время было еще несколько пожаров местных дачных коттеджей, а потом взрывы на самой военной части. Свалку забросили. Военные ушли, а Пужмер мумы – Мать инея и ветра – исцелила окончательно эту землю заморозками ранней осени. У Женьки все больше стал проявляться дар ясновидения и целительства, он глубоко понимал самые глубокие связи всего сущего, его ум сильно прояснился, и вскоре он прославился как сильный целитель и ясновидец. Дочка пошла в него. В школу она не ходила – ее вскоре вообще закрыли. А начавшаяся перестройка в стране просто забыла их полностью.

Вокруг Женьки выстроилась новая деревня. Удмурты снова жили у большой воды. Ву мумы – Мать воды – стала являться к ним настолько же реально, как реален для городского человека этот день. Для Женьки же стала реальна его настоящая полная жизнь – он наконец-то жил в доброй сказке! Он больше не хотел умирать!

Спустя время Гудыри мумы – Мать грома – подарила ему встречу с новой женой, и жизнь наладилась совсем и навсегда!

Безупречность

Этот рассказ родился для человека, который сильно пострадал от наследственного заболевания, которое в итоге вышло саркомой костей. всю жизнь человек занимался необычной исследовательской работой, которая требовала от него высшей и ответственной сосредоточенности, но в роду жила легенда о недостижимости мечты, и в итоге на пиковых нагрузках Виктора настигла родовая болезнь.

В очередной раз слезы душили Виктора Петренко, единственного космонавта на борту новейшего российского многоразового корабля, летящего на Луну. На глазах слез, естественно, не было, но жажда быть совершенным была железной. Вместо слез просто один за одним лопались сосуды на лице. Трудно, полагаясь только на себя, выполнить особо важную государственную задачу – нужно было полагаться на большего себя, именно этим и славился Виктор. Он профессионал в пилотируемых полетах, но в одиночку он летел впервые. Задача была очень сложной, но подходящей для Виктора: необходимо вернуть к жизни основной лунный модуль, исчезнувший в тени кратера после неудачной посадки на автоматике, но для этого нужно было не промахнуться самому. Полет и посадка на Луне должны были быть в ручном режиме. Во время тренировок все было успешно, но вот в реальном мире все могло пойти не так. Опасность не вернуться была тоже весьма вероятной, потому что это первый пилотируемый полет на Луну в истории российской космонавтики. Жаль, что он экстренный, и жаль, что он секретный, но нужно было спасти престиж страны. Риск для мужчины – это в сути своей хребет мужской природы, и было даже интересно. Виктор был уже в космосе и дважды провел на МКС больше года и рисковать любил – разумеется, в рамках разумного.

Но почему-то в этом полете стали сдавать нервы. Лететь на луну предстояло всего 3 дня, 3 часа, 49 минут, но почему-то немели руки и несколько раз сбивалась мысль о какую-то паршивую преграду в голове, гудело в висках и лопались сосуды. Никак не удавалось спокойно побыть в своих мыслях, настраиваясь на очень важные маневры на Луне. Даже планомерное и спокойное воображение, которым очень часто и эффективно пользовался Виктор, тоже подводило и не давало мысленно отрабатывать все возможные сценарии.

К прибытию на Луну уже совсем не было сил. Странное расстройство координации никак не давало даже вглядываться в рельеф Луны, в особенности там, где нужно было приложить максимум контроля. Если промахнуться, то от простой банальности под названием «слишком отдаленное расстояние прилунения» можно было провалить всю миссию. На кону государственный престиж. Станция на Луне сродни имиджу страны на международной арене, а с затратами на нее она в три раза больше, чем все стройки века за последние исторические вехи страны. Автоматы подвели или, может, что-то еще, но основной целью миссии Виктора была установка питающего модуля к основному модулю лунной российской станции, который почти сразу перестал подавать признаки жизни после прилунения в тени кратера. Цель миссии Виктора – оживить станцию, чтобы станция могла принимать ученых и космонавтов уже на регулярной основе. Телескопы с Земли увидели, что станция цела, но обесточена.

Глаза заболели невыносимо, место прилунения Виктор узнал только с третьего витка вокруг Луны. Но беда в том, что руки словно стали не свои совсем. В горле стоял ком, сосуды лопались, а настроение было убийственно депрессивным и паническим. Сердце слабело, и была сильная угроза провала в обморок – так и случилось. Во время обморока корабль Виктора пошел на четвертый круг, уже снижаясь к Луне, поддавшись ее гравитации. Вернувшись из обморока, губы бормотали что-то безмолвно и глаза застилала густая боль. Видимо, заболел. Обмороки возвращались каждый раз, когда нужно было принимать решение

о посадке. Уже в седьмой раз Виктор, облетая Луну в странных симптомах, уже невольно дал понять Земле, что что-то пошло не так и причина тому – нерешительность космонавта, потому что вся остальная телеметрия была безупречной. На девятом круге шансов сесть безопасно уже не было – корабль снижался еще быстрее. Шел восьмой круг.

Виктор, ужасаясь своему положению, уже точно понимал, что очередной обморок уже его убьет, инстинктивно стараясь максимально быть в сознании, просто стал себя просить не падать в обморок, но слова вырвались неожиданные: «Я хороший, я смелый, я умный – держись, мой хороший человек, держись, все у тебя получится, ты замечательная Душа и звезды тебя любят». Теплые мощные слезы залили глаза, и глаза увидели старую донельзя обидную драку со старшим братом, которая до сих пор дремала в душе Виктора, она подтачивала его изнутри всю жизнь. А когда была нужна особая воля, подломила его до состояния гибели. Страшные обидные спазмы излились из тела, и картина вспомнилась вся! Виктор так любил в детстве строить из подушек дивана башню, чтобы на нее лечь и, расправив крылья, ловить баланс, как летчик в полете, но брат, когда не было никого дома, срывал злость на нем с такой силой, что приходилось драться с ним даже несмотря на разницу в пять лет. Брат был откровенно бессмысленно жесток. А когда Виктор увлеченно играл в летчиков со своим другом, брат избил его прямо при друге, просто показывая свое превосходство. Но сильным кошмаром было то, что когда Виктор ходил уже в летную школу, брат во дворе всем друзьям рассказывал, как он прикалывается над ним дома, и что когда он строит свои пирамиды, он выглядит как идиот и почему-то как поплавок. «Поплавок» стало обидным прозвищем Виктора во дворе на все детство и юность, лишив его настоящей дружбы со сверстниками и с самим собой.

Странно, но вместе со слезами и словами поддержки в адрес себя стали высказывать очень злобные слова в сторону брата! «Сам ты поплавок! Урод! Отстань от меня! Убью! Убью тебя! Мне так обидно! А еще брат называется!» Мысленно Виктор дрался с братом и одновременно очень мощно поддерживал себя самыми добрыми словами – координация вернулась и очевидным стало, что брат невыносимо сильно ранил Виктора именно туда, где формировалось чувство баланса в мозге, которое так необходимо летчику и космонавту, и в ту часть души, где должны были быть резервы самоподдержки для особых случаев риска, но для этого нужна была поддержка сильного рядом в моменты взросления, но рядом все детство был слабый, коварный, глупый брат и его друзья.

«Придурок! Как ты меня достал даже на Луне», – выдохнул Виктор с большим облегчением, явно возвращаясь в свое рабочее состояние. «Это так странно! – подумал Виктор. – Так ведь и убить можно человека, словесной пулей, выпущенной в тебя детстве, и она, оказывается, может настигнуть тебя хоть где». Виктор повторял: «Я хороший, я уверенный, я сильный, смелый, у меня есть цель – летать, и я буду летать!» Сердце Виктора становилось легче, а брат все меньше и меньше стал занимать место в сознании Виктора, равно как и парни во дворе, у которых просто не было великой мечты и от этого они были злы на свою жизнь и жизнь других.

Через 20 минут корабль благополучно в нужном месте прилунился назло брату.

«Я отличный парень! Это полет показал мне, что я гораздо больше, чем я о себе думал всю жизнь, – улыбаясь, говорил Виктор на пресс-конференции уже на Земле. – Я готов к новым полетам как никогда!»

Душа¹

Это рассказ про реальную девушку с реальной онкологией лимфоузлов и матки, которая пришла из глубин бывшей дворянской фамилии, которая в свое время потеряла всякое человеческое достоинство. Лечение оказалось успешным – девушка жива. С большой благодарностью за доверие сочинил ей рассказ.

Наташка Вавилова блевала возле ночного клуба с расквашенным носом и набирала на айфоне номер своего возлюбленного. «Сука, возьми трубку!» Опять приступ рвоты, и спустя время совершенно пьяная Наташка заводила свой «Порше Кайен», чтобы лично доехать до этого уебка, который, блядь, опять не взял трубку! Ехать недалеко: с Кутузовского на Рублевку, до Соснового бора.

Бестолковые слезы и музыка глушили чувства, Наташка орала песни Монеточки вперемежку с матюками водителям, которые не уступали дорогу дочке префекта Северо-Восточного округа Москвы. Выехав за пределы МКАД, разогнала до 200 километров в час свой «Порше» и в одно мгновение, множество раз кувыряясь, влетела в густой лес где-то уже на подъезде к «Соснам». Машина несколько раз ударилась о крупные деревья, далее пролетела с большой высоты в замерзающее болото и упала, уткнувшись в него носом. Музыка прозвучала еще пятнадцать минут, пока не залило аккумулятор, и наступила тишина. Наташа в неестественно-сидячем положении оказалась на пассажирском месте, а на том месте, где она мгновения назад была водителем, была большая вмятина и зияло полностью разбитое окно.

Через два часа она очнулась от холода, ее ноги были переломаны в бедрах, в голове был страшный шум, а руки дрожали под воздействием остатков адреналина в крови. Телефон вылетел из разбитого окна, позвонить было невозможно. Сознание было как в детстве, когда ждешь от мамы наказания за что-то действительно страшное. И детские слезы брызнули сами! Захотелось просто к маме, даже если она накажет.

Ноябрьский холод проникал в машину вместе с сыростью болота. Выйти из машины означало промокнуть в холодной жиже, а ползти наверх было около 50 метров. Наташа трезвела, но так сурово, что, глядя на ее лицо, было очевидно, что она еще немного и начнет издавать проклятия – так и вышло! «Вы у меня все ответите, вы все будете платить мне, когда я выберусь!» Странно, но ум Наташи не искал помощи, а каким-то нереальным усилием черпал из себя новые порции судебных терминов и всякого юридического бреда, которого она нахваталась, работая у папы в администрации Москвы. С похмелья и от удара совсем, по сути, слабая Наташа предъявляла судебные иски дорожникам, лесникам, хозяину ночного клуба, сотовым сетям и пролетающим над ней самолетам Домодедово – всем тем, кто ее, по ее мнению, не уберег.

А когда пришла настоящая трезвость, пришла и боль в ногах. Душа словно хотела покинуть это насквозь испорченное капризами тело, и временами так и было. Боль заставляла Наташу выпрямляться всем позвоночником, и она теряла сознание, а Душа абсолютно серьезно улетала, и Наташа была каждый раз мертвой пару или тройку минут. В эти минуты ее лицо становилось тихим и абсолютно девчоночьим и неиспорченным, как лицо ее мамы на черно-белой фотографии, когда ее мама приехала в Москву в начале 70-х. Тихая Наташа в эти минуты звала Душу обратно, и она возвращалась, чтобы дать ей еще один шанс. Так прошел день. Наташа даже не догадывалась, что таким способом ее Душа готовит ее к смерти.

¹ В рассказе используются стихи поэтессы Антонины Курочкиной www.stihi.ru/avtor/aine24

На следующий день от приступов боли и от холода Наташка просто кричала, распугивая болотных животных. Часто теряла сознание и умирала. В отчаянии сделала попытку выползти из машины – извозилась в болотной грязи, промокла и замолкла. Сидя снова на кресле, она увидела, как организм ее уже не слушается, ее словно уже не было, оказывается, она уже давно обкакалась и обмочилась в колготки и даже не почувствовала этого. «Как маленькая прямо!» И снова разрыдалась изо всех сил, просто зовя уже маму и никого больше! Мааааааааааа! Маааа ммааа. Слезы были очень искренними! Наташа поняла, что она скоро умрет. Ее голова склонилась над стеклом окошка – за окном падали редкие снежинки, и одна из них упала прямо на стекло, и Наташа впервые в жизни удивилась, насколько красива жизнь в такой обычной снежинке. Жаль, что у нее все не так.

Признавая свою пустоту и растраченность, Наташе на мгновение открылось былое чувство тревоги о чем-то важном, что-то беспокоило ее уже много лет, и это точно поможет ей умереть без боли и страха! И губы сами от отчаяния забормотали:

Снег, снег – это любовь,
Это любовь падает...
Наш молчаливый танец без слов
На краю снов – радуется...
Снег, снег... Нас закружил
Этот волшебный танец...
Словно сердца заморозил
Белый волшебный глянец...
На краю снов, на краю слов
Молча с тобой танцуем...
Этой зимы белый покров
Нравится нам до безумья.
На краю слов, на краю снов,
На краю наших встреч...
Танец без слов, танец-любовь...
Крыльями белыми с плеч...

Почему-то вспомнился Лешка, друг из детства, которого когда-то сильно полюбила, но папа не дал этой любви окрепнуть и выгнал его из ее жизни, намекая Наташе, что ей нужен жених пореспектабельнее.

Какая белая зима!..
А мы – не думали о многом,
Когда высокопарным слогом
Соединяли чувств слова...

Какая бледная луна,
Какие крупные сугробы!
Наверно, слепы были оба,
Коль заплутали по зиме...

Наташа вспомнила, как ей было уютно раньше внутри себя, когда она тайком писала стихи Леше, и в это мгновение ее внутренний мир обдало глубоким теплом. В ее теле снова появилось гнездо для этой странной птицы, имя которой – Душа. Душа не выдерживала той рвоты, которую Наташка вбирала в себя с того мгновения, когда она стала стремиться

к клубной гламурной жизни современной москвички, а особенно когда она встретила «своего» последнего любовника. Душа просто не дала ей доехать до него, это был уже предел. Наташа для Души уже иссякла – пора было отдохнуть от блевотины.

«Леша, родненький, прости меня!» И губы Наташи шептали об опоздавшей и запутавшейся любви...

Это ничего, что я —
немного задержалась;
Это ничего, что ты —
немного опоздал...
Тихая луна в окне
холодном отражалась,
а в глазах твоих —
двойная синяя звезда...
Не зови, не помни,
не пиши о нас,
не думай...
И не снись, маня,
такая близкая,
моя...
Полночью ко мне
не приближайся
полнолунной...
Я и так дышу тобой,
дыханье
затая...
Медленно истаивает
ночи наважденье,
оставляя горечи
и сладости налет,
оставляя в сердце
неземное наслажденье,
ощущенье крыльев,
упоительный полет...
Кажется, что снова,
принимая сна обличье,
проникает в душу
колдовство манящих глаз...
Вновь приподнимает ввысь
любви твоей величье...
Нет такого сна, в котором
не было бы нас...
Не зови, не помни,
не пиши о нас,
не думай...
И не снись, маня,
такая близкая,
моя...
Полночью ко мне

не приближайся
полнолунной...
Я и так дышу тобой,
дыханье
затая...

Каждый стих возвращал Наташу к Наташе. Больше в себе грязь удерживать было невозможно! То, что из нее получилось в этой жизни, уже не имело смысла. Только Душа! Только Душа! Только Душа! «Я готова!» И, роняя уже сильнейшие крупные слезы, страшно трясясь от конвульсий и боли, Наташа умирала в себя саму – в ту девчонку двенадцати лет, похожую на маму из 70-х!

Боль внезапно прошла, сильное тепло помогло набраться мужества выползти из машины, и Наташка поползла сквозь ивняк вверх и нашла свой телефон, он вибрировал и светился экран, а на экране был Леша из детства!

Цветы террора

Рассказ-терапия о человеке, который болен лимфомой с многочисленными осложнениями, с которого началась эта книга. Он не пришел на консультацию, тем самым сподвигнув меня как психолога к сильному расширению своей практики за пределами кабинета в виде писательства, чтобы показать другим заболевшим посредством книги, что за любой болезнью нет ничего мистического и за всеми диагнозами всегда находится обычная, или пусть даже необычная, но все же человеческая история, которая все равно является проявлением жизни и ничем больше. Так появились рассказы «Людам о людях». В этой истории талант борется с номенклатурой – это личная драма этого человека – причиной его болезни было увольнение из театра по доносу и репрессии в родне в 30-х.

«Уважаемый, пройдите, пожалуйста, с нами». Это шутка, нет – это точно розыгрыш, но по лицам милиционеров было понятно, что шутить они не умеют. Василий внутренне собрался и даже догадался о причине его приглашения в отдел. Ему же недавно досталась главная роль шпиона и врага народа в новой постановке, и он сам шутил внутри себя, что такого шпиона он бы и сам арестовал и расстрелял бы с удовольствием. Играл он бесподобно! Шпион Василия, который по сценарию саботировал работу строительства новой ГЭС и одновременно рьяно, для показухи, поддерживал советскую власть для отвода глаз, был бесподобен. Зрители взрывались в порыве возмущения! Это была звездная роль! Василий ощущал себя подлинным народным артистом. Впереди была большая карьера в Москве. «Везунчик же я! – думал иногда Василий о своем таланте. – Такая удача стать артистом для советской родины! Буду обличать врагов на сцене!»

В отделении было ужасно. Сразу были приставлены конвоиры. Основной упор обвинения был представлен тем, что только настоящий шпион знает все тонкости той роли, которую играл Василий. Значит, он и есть шпион. Это расстрельная статья. Улыбка и одновременно страшная печать пронзала Василия и ломала ему душу в осколки. «Ну как же так, товарищи?! Я же специально вошел в роль, чтобы народ увидел, как они на самом деле ведут! Я же их разоблачал на сцене! Это же просто искусство! Но все было бесполезно».

Перед Василием лежала плотная пачка доносов. Оказалось, на него давно уже доносили почти все, даже режиссер труппы. Она еще даже не закончила театральную вуз и тоже хотела жить и работать в Москве в дальнейшем. Василий представлял, что они даже будут хорошими друзьями в большом творческом будущем. Она обвинила Василия в чрезмерном рвачестве, это явно признаки карьеризма, что является пережитком буржуазного мира. Даже костюмер студенческого театра обвиняла Василия, что он растратчик социалистической собственности и что он был замечен на прогулке в городе в театральной одежде. Но тогда нужна была роль – нужно было пройти по улице, чтобы вжиться в роль!

Василий страшно вспотел и, казалось, уже сломался. Но все равно нервный злой пульс внутри поддерживал его, но только это был пульс не Василия, что-то иное в нем. Уже в камере еще раз ужаснула мысль о такой огромной стопке доносов. Приговор был ясен. Домой даже не пытались сообщать. Даже воды не дают. Нужно, видимо, было уже принять судьбу. Странно, но злой пульс прямо потребовал от Василия дорепетировать роль полковника НКВД, которая по иронии судьбы ему досталась в самой последней постановке, которая еще не вышла. «Буду жить артистом до конца – такая у меня судьба! Тут и антураж подходит».

Через секунды уже от Василия не осталось ничего, кроме энкавэдэшного полковника. Глаза источали сталь. Через минуту под гипнозом мощного таланта истинного актера охранник-лейтенант нервно открывал дверь камеры, извиняясь за такую ужасную ошибку. Через пять минут все протоколы допроса и все доносы были лично отданы Василию. Тут и нашлась форма, которую надел Василий, – хороший реквизит в НКВД, подумал Василий. Вот и оружие. «Нет, я так просто не сдамся! Я талант, такие не пропадают!» Щеголь – крепкий полковник НКВД Василий вышел на улицу и увидел глазами, как люди трепещут перед его обликом – прямо медали отливает, все в глазах стального полковника открылись потенциальными предателями, вся Москва стучала на всех!

«Ох и талантище ты, Василий», – подумал он сам о себе. Это был звездный час! Главная роль свободы – пик мастерства! Уже в поезде печаль, но только уже внутренняя, пронзила Василия до глубины души – он понял, что, будучи настоящим самородком, он, к сожалению, оказался среди посредственности, которая изображала связь с искусством. В Москве все сокурсники просто симулировали актерское мастерство – никто его так и не понял. Москва до мозга и костей мертва – там только стукачи разного толка. Нет там подлинного огня искусства. Ни одной стоящей души! Злой пульс нашел свое место внутри Василия – это его внутренняя особенная целая театральная школа! Уже через час Василий утопал в мыслях-мечтах, как он создаст свой театр где-нибудь в провинции, но искренними неиспорченными людьми! «Что меня теперь остановит? – я и есть искусство – оно меня ведет! Эти менты и стукачи мне еще на сцене будут цветы дарить!»

Живой

Рассказ-терапия про мужчину, который страдал раком кишечника, но ничего не хотел даже знать про психотерапию и умер.

«Черт, что за день! Вы видели, этот жид так был похож на Иисуса, у меня даже рука поначалу дрогнула! Но потом я ему в рыло выстрелил! Зачем я ему посмотрел в глаза?! Вот черт! Словно я в икону выстрелил. Сука жидовская под нашего Бога заделался! Шайзе!»

Николай уже целый год ходил в карателях и уже хорошо говорил по-немецки. Еще в начале войны он перебежал к немцам осознанно, чтобы служить в СС. С детства еще в Бердичеве нелюбовь к евреям у него была просто зверская. Всегда что-то изнутри хотело некоего возмездия, даже неизвестно за что! Так надо! Но дружить с жидами приходилось, потому что их было много – они были повсюду, даже говорить на их языке! А потом уже на учебе в Доброхиме (Добровольном обществе друзей химической обороны и промышленности) он мечтал создать такой газ, который уничтожит всех жидов, а всех остальных оставит в живых. А тут вскоре война, и немцы как раз его мечты хотели реализовать. Надо сказать, что Николай со времен учебы никогда не расставался с противогазом, где-то внутри ожидая, что жиды могут опередить и первыми применят такой же газ, но только против него и высшей расы. Суки, выродки!

Работа карателем, в сущности, тяжелый труд. Расстреливать десятки людей в день – это физически трудно. Но надо было стараться перед немцами, и Николай старался! Еще в Бабьем Яру его заприметили эсэсовцы, и их удивило, что Николай без всякого заискивания перед ними хладнокровно сам расправлялся с поступающими в бесчисленном количестве на казнь евреями. Для Николая это был шанс, и он им удачно воспользовался. Сейчас он руководил расстрельной командой русских и украинских перебежчиков в айнзацкоманде под руководством штурмбаннфюрера СС д-ра Бруно Мюллера в Западной Польше.

Николай даже осмелился показать Бруно Мюллеру свой личный план уничтожения евреев и свою химическую формулу газа, который будет убивать только жидов. Таких безумцев хватало во время оккупации, и многие очень сильно разделяли идеи Третьего рейха, но Николай был не безумец. Получив личную расположенность такого высокопоставленного офицера, Николай уже грезил идеальным порядком на планете и своим местом в нем. Николай был уже почти пророком для себя.

Расстрелы и казни продолжались – война шла. Служа Третьему рейху уже в Треблинке-2, Николай уже полностью мимикрировал под истинного арийца. Он руководил процессом уничтожения польских евреев и к визиту Гимmlера весной 43-го был удостоен награды в виде нацистской формы и перевода из вахманов в штат СС в чин шарфюрера. Это означало, что Николай в Третьем рейхе стал бессмертным. Вахманов же оставлять в живых после войны немцы даже не планировали.

Август был тяжелым месяцем. Гимmlер приказал сжечь все тела, которые до этого были просто засыпаны в рвах. Станный приказ, но это приказ. Пленные работали, и крематорий работал исправно, но с большей нагрузкой. Николай ощущал свое превосходство над жидами уже не на шутку, позволяя себе невиданную жестокость уже без всякого повода. Одновременно он ощущал и их лютую ненависть к нему. Они его боялись больше всего – потому что он хорошо понимал польский, говорил на украинском, русском и иврите и уже убил немало узников просто за то, что он слышал их ругательства и недовольство, принимая их на свой счет.

Внезапный взрыв крематория сильно контузил Николая и бросил его в трупы недавно раскопанных евреев, приготовленных к сжиганию. Черда взрывов продолжалась – восстание разгоралось! Треблинка-2 восстала!

Находившегося среди трупов сильно контуженного Николая заволакивал газ «Циклон Б», который был специально разработан для окончательного решения еврейского вопроса. Кристаллы газа «Циклон Б» щедро разбросало после взрыва вокруг – они испарялись и забирали жизнь шарфюрера СС Николая Василенко. Паника и перестрелки слышны были уже словно вдалеке. Николай кашлял, шла пена изо рта, и только лицо молодого Христа смотрело в лицо Николаю так близко и так сострадательно, что Николай почувствовал на себе всю тяжесть ноши, которую он взвалил на себя! Он так устал нести крест спасителя на себе! Его Душа так сильно устала! Он устал убивать во имя идеала, которого даже не понял до конца. Господи, если ты есть, возьми меня, искупи мои грехи! И Бог дышал им, и Бог взял ношу Николая. И Николай ушел к Богу с легким сердцем, весь содрогаюсь от слез, так, как только может плакать сама Душа, которая вечно скиталась по мраку и нашла путь домой! Николай узрел Бога в истинном лице – Бога, спасающего даже тех, кто спасен быть не может! В глазах Николая появились небеса!

Спасителем был подросток, очень похожий на Христа, – Яша Зацман, служащий в крематории посыльным. Он случайно увидел контуженного и задыхающегося Николая, стонущего в трупах. Сам едва оправившись после взрыва, он выбежал на небольшой вентиляционный холм, спасаясь от газа, но он видел оттуда отчетливо предстоящую смерть Николая. Разум Яши хотел мстить, но Душа хотела спасти. Набрав большое количество воздуха в легкие, Яша подбегал к Николаю и выдыхал его прямо ему в рот и потом немного его оттаскивал от облака газа, и так много раз, отбегая и прибегая с новой порцией воздуха, пока не вытащил Николая на себе на тот же холмик, откуда было видно яркое солнечное голубое небо! И убежал дальше! Восстание разгоралось!

Уже потом в Аргентине, спасшись от возмездия Красной армии, Николай иногда с трепетом заходил в синагогу с сильным комком в горле, осознавая, что у Бога нет врагов. У Бога все друзья, и Бога он видел лично, Бог его спас лично – и Душу, и тело, и для Николая было особо важно, что Богом был обычный еврейский мальчик, которого Николай хотел навсегда со свету изжить вместе с остальными. «Как жаль, что я был тогда так глуп», – думал про себя часто Николай.

Свет

Это рассказ про подростка, который сильно потолстел во время болезни, и потом выяснилось, что у него рак щитовидной железы. Он умер в 14 лет только потому, что в доме совсем никто не верил в тонкую романтику души, честно настроенной на чистоту помыслов, – так умер поэт.

Медленный свет луны через болото сразу за пустырем продолжался толстым кабелем интернета, который вынесло на свет божий тяжелой техникой. Кабель чудом не порвало, но с него неслось в мир космоса нереальное количество ломаного, битого, колкого информационного хлама. Что же о нас подумают братья по разуму, неизвестно? Горькая ирония. Я привидение, которое беспокоится о том, чтобы мы как можно больше не сорили в космос. С тех пор как меня убили здесь из-за сотового телефона в начале эпохи сотовых, а потом бросили в воду с камнями под курткой, я долго, долго слушал еще тогда этот телефонный кабель под водой – это сейчас он интернет передает, а тогда разговоры. Вода слышит и искажается от такого мусора. Потом меня отпустила куртка, и я всплыл и почти мгновенно истлел, но меня никто уже не искал. Я живу теперь тут, в строительном хламе, которые нагребли бульдозеры после постройки нового микрорайона. Я не знаю, почему я тут хожу. Мне непонятен мир – я ждал чего угодно, но я не ждал, что после моего убийства я буду слышать провода, и никуда я не ушел. Никаких перевоплощений. Я призрак, от которого пахнет почему-то битумом – именно по этому запаху меня можно почувствовать. Я как очень слабая тень среди строительного хлама. Я тоже, видимо, хлам.

Мое болото, безусловно, живое, хотя здорово пострадало от стройки, но я люблю его. Люблю его слабые волны и сильное умение отражать лунный свет. Вот и весь мой мир. Мне по меркам людей все еще 14 лет. Бесцельные крики людям в глаза уже не влекут меня. Я долго пытался кричать, чтобы меня услышали или увидели, но я понял, что и в жизни меня никто особо не видел – хоть закричись. Телефон я носил для понта, брал его у бати, когда батя засыпал спьяну после своей беспокойной бандитской жизни. Я ходил с ним вечером, говорил типа по нему, типа деловой. Ни у кого сотика не было, а у меня был. Вот такие же беспонтовые меня и убили. Я их видел, конечно, потом много раз, но сил кричать уже не было. Сейчас я уже сам себе кажусь пустой коробкой от магазинных девайсов. Пофиг на все! лягу в бетонную трубу смотреть в трубу. Убили бы меня снова, но как?

Случай. Странный случай. Так странно, но на мое место стал ходить мужчина с телескопом. У меня очень темно и никого нет – видимо, это важно для звездочетов. Он ставил его на берегу болота и смотрел, иногда отходя и делая записи. Но то, что я увидел, это изумительно. Из линз телескопа лилось несомненное чудо. Телескоп словно снимал с небес нектар света и изливал на бетонную крошку. Легендарная манна небесная – это наверняка свет звезд. Я украдкой смотрел в его телескоп, и в меня вливалась благодать небес. Удивительное ощущение захватывающей страсти узнавать жизнь. Бесконечный по человеческим меркам ближний космос уже невероятен. Господи, это так просто! После моего убийства я оказался в своем мире, где я только казался, – природа дала мне то, во что я верил. Мне не было интересно ничего, и я попал в мир неинтереса ко всему – все в точности, как я верил. Я ходил тут все время, потому что я и до своего убийства ходил тут, ничего не видя. Я казался всем и себе – таким и стал целиком. Так просто – то, во что ты веришь, и есть ты. О! Спасибо тебе, собиратель звездного нектара! Это так здорово, когда есть среди нас люди с интересами к большему!

Сейчас я собиратель стеклышек. Я готовлюсь к своему великому старту! Еще немного, и я воскресну. Я научился верить! Вязкий битум стал выходить из меня – ведь всего лишь была

густая тьма неинтереса к жизненному приключению. Мои стеклышки, которые я научился собирать, уже настроены, и я готов к великому путешествию во Млечный Путь, собрав столько света, чтобы взлететь!

«Доброе утро, Боря! С днем рождения, наш хороший! Ты просил нас, и мы поговорили и решили купить самый лучший телескоп – гораздо более хороший, чем даже то, на что ты рассчитывал! Он собирает свет гораздо больше! Мы увидели, насколько тебе это важно!»

«Спасибо, мама, а мне очень тяжелый сон приснился...»

Голос судьбы

Рассказ-терапия для девушки, которая собирает деньги в интернете на операцию для удаления опухоли головного мозга. Ее глаза – настоящие ангельские. Совершенно случайно ее болезнь поселилась в моей душе, и рассказ родился сам по себе. Девушка, кстати, жива и, по-моему, выздоравливает, но ее притчи о здоровье набирают популярность в интернете.

Опять эти слезы. Уже восемь лет прошло после освобождения, а Наташа все заново переживала тот мистически мягкий удар, который она приняла сначала за наезд на обычный магазинский ящик. Но этот взгляд этой женщины, такой красивой, такой русской, которая просто вернулась в магазин, чтобы отдать 20 лишних копеек продавцу. Оранжевый дерматин коляски и, о боже, раздавленная голова ребенка. Он еще в судорогах – это уже никогда не вылетит из головы. Взгляд этой женщины в Наташины глаза был непередаваем. Там сомкнулось все: и суд божий, и месть, и утрата. Суд был очень неприятным. Родня Светы, мамы погибшего маленького Ванечки, иногда, казалось, уже была настроена приговорить Наташу к вечной муке в аду. Да Наташа сама себя приговорила. Два года колонии-поселения ничего не дали. Наташа могла и все сто лет там пробыть. «О боже, за что мне это!»

Мама, прошедшая мимо с точно такой же оранжевой коляской, снова вызвала тяжелые слезы. «Ох, Ванечка, ты мой хороший». Еще в колонии Наташа сделала куклу мальчика – назвала Иваном. Иногда ей казалось, что так она сможет хоть как-то позаботиться о нем, о его душе. Иногда она ощущала, что она стала роднее ему даже его родной матери. «Ванечка мой хороший!» Кукла получилась тоже словно осуждающая Наташу. Маета и обвинение словно поселились уже во всем, что окружало. Весь мир хотел отяжеления Наташиного креста.

Шли годы, церковь стала со временем единственным местом, где душа Наташи не испытывала такой тяжелой вины, потому что во взглядах приходящих она иногда видела таких же мучеников, как и она.

Платок, молитва и походка бабушки уже накрепко стали сопровождать Наташу – она как-то стремительно состарилась, хотя в молодости она была очень яркой – еще бы, дочка директора завода, истинного деятельного коммуниста, в доме всегда было все дефицитное, и этот злополучный «москвич» из первой серии. Ваня с его смертью возле магазина стал чем-то вроде Наташиной внутренней церкви. Казалось, уже все прошло и вспоминать там нечего, но что-то все равно вспоминалось, особенно всякие мелочи: несчастные 20 копеек, которые продавец случайно сдала больше, совесть мамы Вани, которая, по сути, стала губительной для Ванюши – цена жизни ценой в 20 копеек, совесть или жизнь, ожог ладони утром в спешке, который привел к тому, что Наташа очень плохо держала руль, свет и тень жаркого дня возле магазина, которые ослепили левое зеркало машины и ослепили тем самым Наташины глаза, которые временно не смогли разглядеть в тени оранжевый цвет коляски, который удивительно совпадал с цветом машины, тяжесть машины, которая всего-то лишь толкнула коляску, а потом немного прижала к парапету и спружинила обратно, но голова Ванечки как раз была на том месте, где багажник москвича продавил ее в большей степени. Мысли путались, но это напоминало уже долгий сон, который просто никак не заканчивался. Начинали уже с возрастом дрожать руки – Наташа старела вместе со своим сном.

Вскоре это была уже совсем бабушка. Церковь, сирень, голуби, небо и колокольный звон – это была жизнь Наташи. Яркая очередная свадьба возле церкви. Наташа эти свадьбы видела уже множество раз. Но только в этот раз невеста была с большим животиком. Что-то материнское, намоленное проснулось вдруг внутри Наташи, так захотело благословить ее

на счастье, но почему-то дрожащие руки Наташи вдруг на мгновение стали необычно уверенными, как сталь, и она твердым голосом сообщила: «Повремени немного у фонтана сегодня, потанцуй три танца вместо одного, так Господь велит».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.